

С.И. Замогильный, М.А. Вирич

**СОЦИАЛЬНЫЕ КОРНИ
ФАШИЗМА И ОСНОВЫ ЕГО
СИМВОЛИЧЕСКИХ ПРОГРАММ**

In this article the authors represent the analysis of such a complicated phenomenon as Fascism; philosophical, psychological, economic, social and political factors are considered which influence its appearance and, also, the question is asked — is Fascism possible in Russia now and in future?

Наша страна и страны антигитлеровской коалиции готовятся к празднованию 60-летия Победы над фашистской Германией. Фашизм — одна из самых зловещих и роковых страниц в истории человеческих цивилизаций, явление, оказавшее колоссальное влияние на судьбы народов и целых континентов. Для его понимания необходима кропотливая исследовательская работа, тем более что рецидивы появления новых режимов подобного типа наблюдались и после 1945 г., и даже в демократических обществах имеется социальная база для вспышек нацизма и расистских проявлений. В разнообразных формах это явление дает о себе знать и в нашей стране, и в странах СНГ, что особенно характерно для стран Балтии, Западной Украины. Мы должны знать, каковы предпосылки фашизма, его социально-социологическая основа, психология. В настоящей статье мы рассмотрим лишь некоторые аспекты формирования символических программ данного явления. Корни фашизма имеют прежде всего социальное происхождение, его социологический срез следует воссоздавать на основе социальной стратификации, глубочайшего социального и политического анализа, а также достаточно глубокой философской онтологии (хотя масса последняя преподносилась в предельно упрощенном виде).

Проблеме фашизма посвящена обширная русскоязычная литература¹. Однако российское научное сообщество исследователей фашизма до сих пор не освободилось от последствий однозначного употребления данного понятия и часто не знакомо с работами современных западных исследователей. Поэтому система используемых дефиниций первого направления исследований фашизма тянется еще от документов Коминтерна, а его эмпирическая база остается на уровне представлений Нюрнбергского процесса. Даже среди авторов научных исследований постсоветского периода есть такие, кто до сих пор придерживается более или менее видоизмененных версий стандартного советского определения фашизма². Представители второго направления считают фашизм чисто западной по своей сути формой проявления экстремизма, которая не характерна для России. Они либо просто не замечают существования фашистских тенденций в российском обществе³, либо заведомо исключают даже саму возможность их возникновения. Так, например, А.Ю. Зудин утверждает, что «правый радикализм и фашизм — продукты западной цивилизации, т.е. высококодифференцированного и институционализированного общества, в самой культуре которого закреплено обостренное ощущение неприкосновенности существующих границ и иерархий этнического, местного, социального и

¹ См.: *Аббате М.* Философия Бенедетто Кроче и кризис итальянского общества. М., 1959; *Алатри П.* Философия Бенедетто Кроче и кризис итальянского общества. М., 1961; *Бессонов Б.Н.* Фашизм: идеология, политика: В 2 т. М., 1995; *Буханов В.А.* Гитлеровский “новый порядок” в Европе и его крах 1939—1945. Екатеринбург, 1994; *Он же.* Европейская стратегия германского национал-социализма и ее крах: идейно-политические проблемы. Екатеринбург, 1998; *Галактионов Ю.* Германский фашизм как феномен первой половины XX века: отечественная историография 1945—90-х гг. Кемерово, 1999; *Галкин А.А.* Социология неофашизма. М., 1971; *Гарин Э.* Хроника итальянской философии XX века. М., 1966; *Големба А.* Грамши. М., 1968; *Горелов И.Н.* “Теория” и практика удержания власти в “третьем рейхе” // *Этнос и власть: проблемы гармонизации межнациональных отношений.* Ч. 1. Саратов, 1999. С. 117—124; *Горелов И.Н.* Что надо знать о фашизме // *Горелов И.Н.* Публицистика разных лет. Саратов, 1998. С. 59—77; *Грамши А.* Тюремные тетради // *Грамши А.* Избранные произведения: В 3 т. Т. 3. М., 1959; *Лихачев В.* Нацизм в России. М., 2002; *Михайленко В.И.* Итальянский фашизм: основные вопросы историографии. Свердловск, 1987; *Проектор Д.М.* Фашизм: путь агрессии и гибели. М., 1985; *Резник С.* Красное и коричневое: книга о советском нацизме. Вашингтон, 1991; *Самойлов Е.В.* Фюреры: общая теория фашизма: В 3 т. Обнинск, 1993; *Умланд А.* Правый экстремизм в постсоветской России // *Общественные науки и современность.* 2001. № 4. С. 71—84; *Янов А.* После Ельцина: “Веймарская” Россия. М., 1995.

² См.: *Галактионов Ю.* Указ. соч.

³ Например: *Рябов А.И.* Неофашизм сегодня // *Научный коммунизм.* 1990. № 3. С. 75—83.

имущественного характера. Ничего сколько-нибудь сопоставимого в современном российском обществе просто нет. Существующие в настоящее время в России фашистские организации представляют собой продукт “импорта”, не имеют... “опорных точек” в истории и культуре страны, заимствуют у своих западных аналогов не только идеологию, но и внешнюю атрибутику»⁴. Вывод А.Ю. Зудина таков: если термины “фашизм” и “правый радикализм” использовать по возможности точно, то вряд ли имеет смысл серьезно обсуждать проблему фашизма в России как сколько-нибудь реальной политической силы.

Многие авторы, слишком свободно толкующие данный термин, относят к “фашистским” большое число авторитарных и националистических направлений⁵. Подобное толкование может привести к выводу о наличии фашистских тенденций даже в “оранжевой” революции на Украине. Некоторые авторы вышли из среды тех советских исследователей западных концепций фашизма, работы которых можно отнести к направлению “критики буржуазных теорий”⁶. Кроме вышеперечисленных есть еще одна точка зрения, согласно которой существует сходство между межвоенной обстановкой в Европе и постсоветской обстановкой в России⁷.

Философов можно обвинить в том, что они часто витают в облаках. Однако новые философские теории никогда не смогут “упасть с небес на землю”, поскольку очень крепко к этой земле привязаны и вырастают из реальных потребностей общественной практики и эволюции познания (из его истории и логики). История развития сознания и познания знает периоды существования мифологизированных форм, идеологически превращенных образцов отражения реальности. Задача исследователя — найти под толщей иллюзорного сознания то, что намеренно скрыто, и скрыто порой очень тщательно: классовый интерес, групповые установки, субстанциональные основы бытия.

⁴ Зудин А.Ю. Фашизм в России: образы и реальности новой опасности // Полис: Политические исследования. 1995. № 2. С. 41.

⁵ См., например: Павловский Г. Прогулки с антифашистами // Век XX и мир. 1994. № 5—6. С. 92—101.

⁶ Рахмиров П.Ю. Новейшие концепции фашизма в буржуазной историографии Запада. М., 1979; Михайленко В.И. Указ. соч.; Буханов В.А. Европейская стратегия германского национал-социализма и ее крах: идейно-политические проблемы.

⁷ См.: Галкин А.А. Российский фашизм? // Социологический журнал. 1994. № 2. С. 17—27; Галкин А., Красин Ю. О правом радикализме в советском обществе // Обозреватель. 1995. № 12. С. 52—58.

Любая философская система находится в имманентных отношениях с задачами своего времени, хотя при этом она может выражаться в форме конъюнктурных мировоззренческих иллюзий. Новые философские направления возникают, как правило, в переломные периоды социального развития. Интеллектуальные корни фашизма следует искать в философии волюнтаризма, хотя Н. Бердяев в свое время иронично заметил, что “можно даже утверждать, что фашизм есть один из результатов учения Ж.Ж. Руссо о суверенитете народа”⁸. Мы также с полным основанием можем утверждать, что вопрос понимания фашизма, его истоков выходит далеко за пределы непосредственного воздействия некой философии на идеологов фашизма; имплицитно он содержится во всей социально-политической и интеллектуальной обстановке предшествующей эпохи. Как нам кажется, уже в учении Гегеля необходимо учесть те моменты, где он говорит о конкретной тотальности. Безусловно, нельзя говорить о классике немецкой философии как о предтече фашизма как социально-политического явления. Однако развернутые представления о “Totalität”, абсолютной тотальности мирового духа, соответствуют именно германскому духу, феномену “государственного сознания” немцев и завершенности построения их государственной машины в годы диктатуры. По Гегелю, “государство есть действительность нравственной идеи — нравственный дух как *очевидная*, самой себе ясная субстанциональная воля, которая мыслит и знает себя и выполняет то, что она знает, поскольку она это знает”⁹. Государство есть действительность субстанциональной воли, это есть абсолютная, неподвижная самоцель. Этот абстрактный лозунг был переведен в сферу реального, наличного бытия в Германии 1930—1940-х гг.

Исследователи фашизма обычно считают его коренными теоретическими основателями А. Шопенгауэра, Ф. Ницше и О. Шпенглера. Однако, как представляется, работы таких ученых, как З. Фрейд, Г. Лебон, Г. Тард, В. Райх, Э. Фромм, Г. Бергсон и Ж. Сорель, также внесли свой вклад в становление рассматриваемого феномена. Труды последних дают возможность проанализировать фашизм с позиций разных наук и общественно-социальных платформ.

Артур Шопенгауэр провозгласил волю единственной и настоящей реальностью и, как следствие, заявил о том, что весь мир представляет собой выражение воли. Фридрих Ницше

⁸ Бердяев Н. Философия свободного духа. М., 1994. С. 389.

⁹ Гегель. Философия права. М., 1990. С. 279.

выдвинул “заразительно-привлекательную” для фашистов теорию о наличии двух полярно направленных, но существующих параллельно моральных кодексов: правящего класса (мораль хозяина) и угнетенного класса (мораль раба). Он разработал теорию “сверхчеловека” и “недочеловека”, которые и являются природными носителями данных видов генетически присущей им морали. “Движение к сверхчеловечеству и сверхчеловеку, к сверхчеловеческой силе слишком часто означает не что иное, как бесчеловечность — blonde Bestia”¹⁰, — писал Н. Бердяев. Не вызывает сомнений, что Ницше оказал свое влияние на формирование идеологии фашизма и национал-социализма. Однако также не вызывает сомнений то, что сам Ницше, одинокий аристократический мыслитель, в ужасе отвернулся бы от социальных последствий своей проповеди. Ницше не любил идею пангерманизма и не был немецким националистом. В своей работе “Человеческое, слишком человеческое” Ницше говорит, что “история учит, что лучше всего сохраняется то племя, в котором большинство людей имеет живое чувство солидарности вследствие одинаковости их привычных и непререкаемых принципов, т.е. вследствие их общей веры. Здесь крепнут нравы хорошей, деятельной жизни, здесь личность научается подчинению и воспитанием развивается твердость, уже изначально присущая характеру. Опасность этих крепких обществ, опирающихся на однородные, сильные личности, состоит в том, что они легко глупеют и что это оглупление, которое, как тень, всегда сопровождает всякую устойчивость, постепенно растет, передаваясь по наследству”¹¹. Этика, согласно Ницше, утратила свою истинность именно потому, что не почерпнула повседневные понятия добра и зла из размышлений человека о смысле его жизни, а изобрела их сама с целью подчинения индивида коллективу. Слабые убеждают себя, что любовь и сострадание — это хорошо, и проповедуют мораль покорности и самопожертвования. А Швейцер, подвергший этот тезис критическому анализу, отмечал, что эта этика держалась, собственно, на том, что оставляла туманной саму меру жизнеотрицания: “В теории она пропагандирует принцип жизнеотрицания, в действительности же она протаскивает свою неестественную и хилую идею жизнеутверждения”¹². Изначально Ницше надеялся обосновать высшую мораль жизнеутверждения как развитие воли к жизни, к высшей духовности.

¹⁰ Бердяев Н. Указ. соч. С. 389.

¹¹ Ницше Ф. Сочинения: В 2 т. Т. 1. М., 1990. С. 358.

¹² Швейцер А. Благоговение перед жизнью. М., 1992. С. 183.

Почему именно философия Ницше оказалась востребована фашистскими и нацистскими обществами? Острое восприятие упадка культуры всегда порождало у исповедующих фашизм маниакально-оптимистичную веру в то, что современный крах общества приведет к чудесному национальному возрождению. Общество, как считали фашисты, подошло к поворотному моменту и готово восстать как феникс из пепла возрождения. Целью фашистов была не реконструкция прошлого, а, наоборот, построение радикально нового общества и формирование “нового человека”, о котором так страстно мечтал Ницше.

Основная идея О. Шпенглера содержится в его работе “Закат Европы”. Эта идея состоит в том, что именно Германии было суждено начать новый героический цикл при новой расе “цезарей”. Философ-социалист Жорж Сорель полагал, что человеческий социум фаталистически предначерчен, естественным путем неизбежно стремится к упадку и дезорганизации; полный распад может быть предотвращен партией идеалистов, понимающих, что для получения власти необходимо использовать насилие.

Э. Фромм еще в начале 1930-х гг. предвидел, что большая часть населения Германии по разным причинам не станет противиться фашизму, и изложил свое понимание социально-экономических и социально-психологических причин этого. Э. Фромм говорил о наличии в тоталитарных обществах так называемой “авторитарной совести”: “Авторитарная совесть — это голос интернализованного внешнего авторитета: родителей, государства или любого другого авторитета, являющегося таковым в данной культуре”¹³. До тех пор, пока человеческое отношение к авторитету остается внешним, без нравственного одобрения, отношения строятся на страхе наказания. В данной ситуации люди испытывают не чувство вины, а чувство страха. При формировании совести “такие авторитеты, как родители, церковь, государство, общественное мнение, сознательно или бессознательно признаются в качестве нравственных и моральных законодателей, чьи законы и санкции усваиваются, интернализуются индивидом”¹⁴. Законы и санкции внешнего авторитета в таком случае становятся частью индивида, и вместо чувства ответственности перед кем-то внешним появляется ответственность перед своей совестью. Предписания авторитарной совести опираются не на собственные ценностные

¹³ Фромм Э. Психоанализ и этика. М., 1993. С. 116.

¹⁴ Там же.

суждения, а исключительно как требования и запреты, санкционированные “внешним” по отношению к индивиду авторитетом.

Габриэль Тард еще в конце XIX в. предсказывал, что наступающий XX в. будет веком глобализованной публики, объединенной средствами массовой коммуникации (!), и что важное место займет процесс подражания.

Вопрос о психологии как о важнейшем моменте, включенном в социально-политическую доктрину фашизма, является одним из основных. Гюстав Лебон одним из первых заявил о начале эры толпы. Лебон настаивал на биологической детерминации психологии масс, подчеркивая, что толпа руководствуется звериными эмоциями. Он высказал идею о том, что толпе претит демократия, она тяготеет к авторитаризму; ей нужен вождь. Лебон первым четко обозначил то, что в психологии масс определяющим является не рациональное, а иррациональное.

Зигмунд Фрейд увидел в глубинах общественной психики тоску о недостающем отце, “вожде стаи”. Но с точки зрения анализа фашизма самым важным во фрейдовском наследии является инстинкт разрушения. Этот инстинкт присутствует в человеческом подсознании изначально. Определенные социальные причины могут либо угнетать его, либо активизировать и проявляться в виде некоей высшей идеи.

В книге “Психология масс и фашизм” Вильгельм Райх абсолютизировал либидозно-сексуальные воззрения Фрейда, считая, что тоталитарное государство подавляет и вытесняет естественные сексуальные влечения человека в область бессознательного и превращает человека в существо, готовое выполнить любой приказ вождя. Но он не сводит это социально-политическое явление к чистой психологии и не считает фашизм явлением, связанным с национальным характером: “Безумного фашиста невозможно обезвредить, если искать его в соответствии с существующими политическими обстоятельствами только в немце или японце, а не одновременно и в американце, и в китайце; если не обнаруживать его в себе самом; если мы не знакомы с социальными институтами, в которых ежедневно занимаются его воспитанием”¹⁵.

Подчинение фашистскому диктату Э. Фромм выводил из мазохистских тенденций коллективного и индивидуального бессознательного. Он подчеркивал, что социальным ядром нацизма стали низы среднего класса. Фромм также считал нацизм явлением экономического и политического характера, однако при

¹⁵ Райх В. Психология масс и фашизм. СПб., 1997. С. 22.

этом он подчеркивал значимость психологических факторов, а в целом рассматривал данные элементы комплекса как взаимовлияющие и взаимообуславливающие¹⁶.

В. Франкл описывал психологию концлагеря, в которых побывал Коэн (Освенцим, Дахау и Терезиенштадт). Шок поступления он мог отрефлексировать как ощущение расщепления личности: «Моя реакция выражалась в диссоциации субъекта и объекта. Это состояние... может рассматриваться как острая деперсонализация, при котором его часто можно наблюдать, и должно интерпретироваться как механизм психологической защиты “Эго”»¹⁷. Фашизм апеллировал к тому, что Э. Фромм называет злокачественной агрессией (жестокость и деструктивность): «История войн является хроникой безжалостных убийств и пыток, жертвами которых становились и мужчины, и женщины, и дети. Часто возникает впечатление какой-то вакханалии — когда разрушительную лавину не в силах удержать никакие моральные или рациональные соображения»¹⁸.

Среди многих других писателей и философов России XIX в. Константин Леонтьев предсказал реальность фашизма в своем “Русском Ницше”. Ницше был первым среди немецких философов, кто, как полагал Леонтьев, в преддверии империализма предвосхитил генеральные тенденции развития западной философии и заложил краеугольные камни “философии жизни”, у истоков которой стоят также Вильгельм Дильтей и Георг Зиммель (последний кроме всего прочего, по мнению С.Ф. Одуева, был первым ее социологом¹⁹).

Дильтей создавал свою целостную систему общественно-исторического знания, “реальную метафизику”, как противовес рационалистическим концепциям, господствовавшим в XVIII—XIX вв. В качестве основания общественных наук “реальная метафизика” утверждает субъективно-антропологический “опыт жизни”, “факты сознания”, а ее предметом становятся “целостный человек”, “живой индивид”, его инстинктивные и волевые побуждения. В индивиде как психофизическом целом, “жизненной единице” является основа анализа общества и его истории: “Что такое история и общество — ответ на этот вопрос должна дать истинная психология как теория, о которой

¹⁶ См.: *Карпенец А.* Фашизм — психологическая проблема? // *Зеркало недели.* 2000. № 116. С. 26.

¹⁷ *Франкл В.* Человек в поисках смысла. М., 1990. С. 132.

¹⁸ *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. М., 1998. С. 359.

¹⁹ См.: *Одуев С.Ф.* Тропами Заратустры (влияние нищестанства на немецкую буржуазную философию). М., 1971. С. 96.

вскоре будут говорить вместе с историей вообще”²⁰. Именно психология должна дать ответы на те вопросы, на которые не в состоянии ответить ни философия истории, ни социология. Используя метод “вчувствования” в исторические события, описывая душевные структурные связи, психология является лучшим средством для понимания исторического прошлого, где переживание выступает в качестве “первоклеточки” исторического мира: история — это психология истории, это осуществленная жизнь, а жизнь в модусе времени — это будущая история. Но жизнь, с другой стороны, — это различные ступени объективации воли, воля — это живая кровь истории: “Единство воли, борьба воли, их родство и солидарность, господство, зависимость и союз — все это волевые факторы. На них зиждется история”²¹. Воля к власти наполняет государственные образования потребностью в господстве как внутри, так и вне культурных систем. Каждая культурная система представляет собой взаимодействие индивидуальных и групповых волей к власти, в которых кроется социальный конфликт. Поэтому разрешение конфликта следует искать в гармоническом слиянии воли к власти, идущей от государства, и волевых импульсов индивидов, в подчинении индивидуальных волей государственной воле.

У Г. Зиммеля подобное противоречие выражается в представлениях о конфликте современной культуры, под которой он понимает всю практическую духовно-историческую деятельность человека: социальные институты и структуры, формы общественного устройства, производственные отношения, экономику, организацию труда, технику, орудия труда, религию, искусство, литературу и т.д. На этом фоне разворачивается конфликт и борьба творящей жизни и сменяющих друг друга форм культуры. При этом он отмечает обособление экономики, ее автономную роль, которая становится “миром для себя”, объективным процессом, подчиненным техническим закономерностям и насильственной логике своего развития. Воля к власти связана с товаро-денежными отношениями, прежде всего с деньгами, которые выступают как потенциальная воля к власти. В этих социальных координатах находится социальная дифференциация, в которой посредственные и слабые не могут развиваться в такой же степени, как гении или прирожденные вожди: аккумуляция воли в отдельных индивидуальностях, высших экземплярах человеческого рода служит их качественной характе-

²⁰ *Dilthey W.* Einleitung in die Geisteswissenschaften // *Dilthey W.* Gesammelte Schriften. Bd. 1. Stuttgart, 1959. S. 129.

²¹ *Dilthey W.* Die Geistige Welt. Einleitung in die Philosophie des Lebens // *Dilthey W.* Gesammelte Schriften. Bd. 5. Stuttgart, 1960. S. 135.

ристикой, показателем человеческих качеств, силы, ума и благородства, выражением “морального стиля”. Отсюда вывод о необходимости выращивания правящей элиты и установления принудительной дисциплины для масс, который он делает в своей работе “Шопенгауэр и Ницше”: “Без выращивания и отбора, без неумолимой беспощадности и жестокости не придешь к самому высшему, исполненному мощи бытию”²².

Средства массовой информации сегодня часто сообщают о действиях неопрофашистских движений и группировок. В публикациях завуалированно звучит призыв к установлению “твердой власти”, способной навести порядок в (по данным Г.И. Вайнштейна, доля россиян, видящих единственное спасение страны в установлении диктатуры, колеблется в пределах 23—28%²³). Поэтому необходимо особенно внимательно отнестись к словам американского ученого В. Лероя Николса: “Распространенным заблуждением является суждение, что Вторая мировая война с поражением Германии, Италии и Японии положила конец фашистским правительствам. Возвратится ли фашизм в какой-либо из этих районов, или куда-то еще, — один из возможных вопросов следующего столетия”²⁴. Другой зарубежный исследователь ставит вопрос более однозначно: “Является ли фашизм в России маргинальным явлением?”²⁵

И если возможность ревитализации фашизма (или его проявлений) в России занимает умы даже зарубежных философов и политиков, то нас, граждан России, данная проблема должна волновать гораздо больше.

Следует, однако обратить внимание читателей на существование противоположного мнения, согласно которому причины широкого обсуждения темы фашизма нужно искать в “кризисных явлениях, происходящих в демократическом сознании”, и причины эти носят, скорее, когнитивный характер. Возникновение ультраправых течений нельзя не связать с изменением политико-экономической ситуации, что повлекло за собой значительные трансформации в философско-политическом сознании многих социальных страт. Как известно, особенно воспри-

²² *Simmel G.* Schopenhauer und Nietzsche. Ein Vortragszyklus. Leipzig, 1920. S. 241.

²³ См.: *Вайнштейн Г.И.* Рост авторитарных настроений и фашистская опасность в современной России // Полис: политические исследования. 1995. № 2. С. 40.

²⁴ *Nichols W.L.* Fascism and It's Founder // http://www.ecu.edu/polsci/hough/ln_fac.htm

²⁵ *Shenfield S.D.* Russian Fascism: Traditions, Tendencies, Movements. N.Y., 2001. P. 86.

имчивой в данном отношении становится молодежь. Правильное понимание сути фашизма жизненно необходимо для правильного понимания современного мира, даже если учесть, что фашизм — это своеобразный “призрак, который постоянно отказывается исчезать с тех пор, как был впервые сфабрикован в хаосе последствий Первой мировой войны”²⁶. До сих пор продолжают споры о природе фашизма, источниках, питающих его, и факторах, влияющих на него. Известный американский историк-германовед Коппел С. Пинсон признает трудности объяснения сути фашизма: “Адекватное изложение немецкой истории эпохи Гитлера и... попытки понять мотивацию и психологические порывы всех участников этой наиболее потрясающей драмы в истории человечества — все это потребовало бы исторической проницательности Тацита или Буркхардта, способности к всеобъемному философскому и эстетическому охвату Льва Толстого, пророческого сострадания пророка Иеремии”²⁷.

Ученые признают, что для социальных наук пришло время рождения новой теории фашистского минимума. Сложность определения и, следовательно, понимания сути фашизма заключена в его вариативности, изменчивости (в зависимости от фаз развития, идеологий, социальной базы, методов организации, лозунгов и т.п.). “Нельзя представлять дело таким образом, — замечает К.Г. Холодковский, — что фашизм — явление, зарождающееся в том виде, который полностью отвечает всем академическим определениям и потом, не изменяясь, приходит к власти и оформляется как режим”²⁸. Не все фашистские государства имели одинаковые варианты фашизма. Фашистское движение постоянно меняется, мимикрирует, взаимодействуя с другими ультранационалистическими и праворадикальными движениями. Границы между ними очень подвижны и условны, степень плотности связей отличается в зависимости от времени, соперничество переплетается с союзничеством. Поэтому оказывается, что в реальной истории фашизм каждый раз иной, с обновленным набором черт, и возникает каждый раз по-новому.

Однако, исходя из анализа уникальных и универсальных характеристик, присущих разным проявлениям фашистских и фашизоидных движений и режимов, мы придерживаемся следующего понимания фашизма. Фашизм — это идеология и практи-

²⁶ Зудин А.Ю. Фашизм в России: образы и реальности новой опасности // Полис: Политические исследования. 1995. № 2. С. 79.

²⁷ Цит. по: Крайзель Ф. Веймарская Германия — Как стал возможен приход Гитлера к власти? // <http://www.wsws.org/ru/2001/jan2001/germ-24.shtml>

²⁸ Холодковский К.Г. Социальные и социально-психологические предпосылки фашизма // Полис: Политические исследования. 1995. № 5. С. 34.

ка, утверждающая превосходство и исключительность определенной нации или расы и направленная на разжигание национальной нетерпимости, обоснование дискриминации в отношении представителей иных народов, отрицание демократии, установление культа вождя, применение насилия и террора для подавления политических противников и любых форм инакомыслия, оправдание войны как средства решения межгосударственных проблем.

Основателем фашизма как политического феномена был Бенито Муссолини. Именно он дал название возглавляемому им политическому направлению, призывая к тому, чтобы "...пролетариат соединился в один сильный пучок (фашио), готовый захватить власть"²⁹. Помимо Муссолини олицетворением фашистского движения и партии стала фигура Гитлера. Поэтому в нашем исследовании мы не могли обойти вниманием тех философов, которые (каждый — в разной мере) сформировали воззрения или повлияли на становление убеждений указанных и других политических фигур фашизма, а следовательно, и на внутреннюю философию фашизма как генерализированного явления.

Однако для выявления источника и базиса возникновения фашизма было бы недостаточно лишь осветить постулаты некоторых теоретиков, чьи воззрения стали интеллектуальным фундаментом фашизма. Следует, безусловно, указать и другие условия и причины, которые в своей совокупности повлияли на возникновение рассматриваемого явления. К последним необходимо отнести причины политического, экономического, социального, психологического характера.

По мнению Р. Гриффина³⁰, сам по себе фашистский политический миф неспособен стать ядром политических сил, выходящих за рамки уже существующей системы в конкретной стране, если только в этой системе уже не укоренились силы секуляризации и плюрализма, которые могут дать ростки или а) нефашистского ультранационализма, или б) коренного или иностранного фашизма, с которого может "брать пример" "миметический" фашизм. Р. Гриффин иллюстрирует данную закономерность примерами возникновения фашизма в Парагвае, Японии, Италии, Германии, Румынии, Финляндии, Бразилии, странах Южной Африки. Данный тип фашизма он называет "ностальгическим фашизмом".

Другим важным потенцирующим источником фашизма было существование "*готовых*" *иностраных образцов*, на которых

²⁹ Kreis S. The History Guide. N.Y., 1997. P. 485.

³⁰ См.: Гриффин Р. Природа фашизма. Нью-Йорк, 1999. С. 246.

можно основываться, моделируя идеологическую программу, организацию, стиль и тактику местного варианта. Как уже было сказано, считается, что одного лишь наличия ядра оголтелой фашистской идеологии и активистов далеко не достаточно для рождения революционного движения какой-либо значимости. Важной политической составляющей должно быть наличие собственных традиций протофашизма. Однако даже сочетания указанных чуть выше факторов недостаточно для создания мощного фашистского движения в случае, если *другие политические силы* препятствуют созданию необходимого ему пространства. Примером может служить Болгария конца 1920-х гг. Хотя эта страна и переживала серьезный структурный кризис и обладала активной *“фолькс культурой”*, но фашизму было отказано в жизненном пространстве. Для поднятия стяга фашизма чрезвычайно благоприятной является такая политическая обстановка, когда происходит раскол в рядах конкурирующих партий. Фашистов в таком контексте поддерживают, чтобы использовать в качестве средства подавления политического и социального сопротивления пролетариата, как это было в Германии на момент прихода к власти Гитлера.

Ф. Крайзель в качестве элемента успеха фашизма выделяет политическую апатию других существующих партий, “их примирительную, вегетарианскую политику”. Он видит основное преступление социал-демократии перед лицом фашистской угрозы в том, что “она усыпляла пролетарские массы”. Очень интересно и оригинально его статистически подтвержденное наблюдение о том, что авторитарные режимы, основанные на военной, монархической, личной или президентской диктатуре, смертельны для фашизма.

Единственным шансом фашизма поднять голову является относительно прогрессивная либеральная демократия, претерпевающая структурный кризис, при наличии сильного неофашистского ультраправого звена, служащего противовесом.

Катализатором расцвета фашистского движения может стать экономический фактор как структурная дисфункция в самом сердце существующей системы (например, финансовый кризис, обвал валюты, модернизация экономики или, напротив, ее застой). Они с неизбежностью подразумевают серьезное расшатывание *социальной структуры*: люмпенизацию мелкой буржуазии, деклассирование масс безработных в городах, экономическую дезориентацию крестьян. Фашизм же, в отличие от других конкурирующих партий, взывал и сегодня взывает о публичной поддержке именно к среднему классу, а вернее, к его нижним слоям. С другой стороны, фашизм успешно укрепляет связь с

верхушкой лидеров промышленности и земледелия. Как отмечает С.Л. Андрески, «нет сомнений, что нацисты способствовали настоящему социальному продвижению многих классов. Они не только подняли роль рабочего класса. Нацисты возвысили чувство своей важности в рабочей среде, ощущение принадлежности к нации, распространив ощущение “психологического равенства”, организуя процессии, где банковские руководители маршировали вместе со своими служащими, одновременно с ними выкрикивая: “Хайль Гитлер!” Более того, нацисты сумели подавить в них чувство ненависти, перенаправили ее сначала на евреев, а потом на врагов, на которых они производили успешные атаки»³¹. Что является по крайней мере равнозначно важным, так это то, что фашисты способствовали возвышению людей скромного социального происхождения. Некоторые знаменитые нацистские генералы, в отличие от генералов времен Первой мировой войны, вышли не из юнкеров, а из более “скромных” слоев общества.

Фашизм всегда произрастает на почве духовного кризиса народа, чувства дезориентации и, как следствие, из стремления к новой реальности. Фактор, который ни в коем случае нельзя игнорировать, — это обнищание масс. Психологический отрыв от социальных корней, маргинализация и подобные аспекты, несомненно, важны. Однако совершенно очевидно, что во всех случаях стремительного обнищания масс взрывные силы возникают во всех классах, а особенно в тех, которые живут за счет фиксированных доходов. Не может быть простым совпадением тот факт, что почти все фашистские и полуфашистские движения (пример последних — польская радикальная националистическая партия, бразильские интегралы) получили наибольшее распространение именно во время экономического кризиса. Несомненно, потребность иметь свои корни и жажда получить твердый идеологический ориентир всегда играют свою роль, но нельзя недооценивать и такую мотивирующую составляющую, как отчаяние от потери работы и банкротства. Именно отчаяние подтолкнуло многих людей следовать за самозванцем, который утверждал, что знает путь к их спасению. Некоторые психологические факторы благоприятствуют фашизму. Например, когда в обществе зарождается дух агрессивного реваншизма, фашизм начинает взывать к иррациональным и эмоциональным составляющим, так как малообразованные люди гораздо чаще руководствуются именно этими мотивами. Из истории известно, что данные разрушительные антигуманные идеи

³¹ The Nature of Fascism / Ed. S.J. Woolf. L., 1978. P. 101.

маскировались, например, возвышенно-романтической риторикой и демагогией. Муссолини писал следующее: «Фашизм не верит ни в возможность, ни в полезность вечного мира. Поэтому он отрекается от доктрины пацифизма, порожденного отказом от борьбы и трусостью перед лицом жертвоприношения. Только лишь война вызывает величайшее напряжение всей человеческой энергии и отмечает печатью благородства тех людей, у кого достало смелости противостоять ему». И далее: «Фашизм, сейчас и всегда, верит в святость и героизм, другими словами, в действия, которые не мотивированы прямыми или косвенными экономическими причинами... Он утверждает непреложное благотворное и плодотворное неравенство... В демократии фашизм отрицает абсурдную удобную неправду политического равенства, разряженного в одежды коллективной безответственности, и миф “счастья” и бесконечного прогресса». И в заключение: “...личность должна быть освобождена от бесполезной и, возможно, вредоносной, свободы”³².

Н. Бердяев отмечал: “Эти переходные формы (фашизм) порождены несчастьем и нуждой. Они не от творческого избытка родились. Все старые авторитеты рухнули, и миру грозит анархический распад. Эти силы вошли в мир, когда потеряно было единство веры, когда скептицизм разъял и разложил старые общества”³³.

Известный исследователь Г. Лукач задавался вопросами: как могла фашистская пропаганда так сильно воздействовать на умы широких масс? почему миллионы немцев уверовали в фашизм? Стремясь ответить на эти вопросы, он рассматривает изменения, произошедшие в массовом сознании и связанные с чувством национального унижения после Версальского мира, который породил безверие, безысходность и разочарование. Фашистской пропаганде удалось направить эти настроения в крайне реакционное русло. «Фашизм заинтересован в том, чтобы отчаяние масс застыло в своей тупости, мраке, безысходности... Фашистская “философия” холит и лелеет это отчаяние...»³⁴ Эта идеология, считает Лукач, обращена к тем сторонам жизни людей, которые сдерживались и подавлялись культурой.

Есть и еще факторы, которые также могут способствовать экспансии фашизма. Один из них — личные качества лидеров фашизма. С этой точки зрения наиболее важны “харизматическая” привлекательность лидера, энергия, которую он вкладывает

³² Цит. по: *Kreis S.* Op. cit. P. 490.

³³ *Бердяев Н.* Указ. соч. С. 340.

³⁴ *Лукач Д.* Антифашизм — наш стиль. М., 1971. С. 220.

вает в рекрутирование последователей, а также способность к пропаганде и саморекламе. Человеческая психология является самым случайным из всех этих факторов.

Вопрос: существуют ли в России, стране с уникальной историей и традициями, причины и условия для проявлений фашизма? — тема для дальнейших серьезных исследований. Постсоветская история России ставит задачу вдумчивого осмысления феномена российских правоэкстремистских течений и четкого понимания того, пригодно или нет для их изучения понятие “фашизм”³⁵.

Сегодня в исследованиях фашизма можно выделить два направления. Одно использует термин “фашизм” по отношению к тем идеологиям, которые подражают междувоенным разновидностям фашизма, прежде всего германскому нацизму³⁶. Часто вследствие этого большое внимание уделяется неонацистскому движению Александра Баркашова — Русскому национальному единству. Другое отождествляет фашизм со свастикой, римским приветствием (поднятой рукой), расизмом, ксенофобией и т.д. Хочется обратить внимание на то, что немецкие нацисты отреклись от навешиваемого на них ярлыка “фашистов”. Они сами указывали на различия между их идеологией и идеологией итальянского фашизма. Поэтому применение термина “фашизм” в качестве классифицирующего общего понятия должно опираться на структурную близость исследуемой предметной области к системе идеализаций, которые ее описывают, а не на наличие или отсутствие каких-либо внешних символов и атрибутов различных форм фашизма (свастика, черные рубашки и т.д.). Это положение тем более верно, что само понятие “фашизм” получило свое название не от той конкретной формы, на которую чаще всего ссылаются в России, т.е. не от нацизма (нацизм, и это следует здесь указать, представлял собой наиболее крайнее проявление), а от итальянской разновидности фашизма.

В некоторых случаях исследователи используют термин “нацизм”, а не “фашизм” для классификации разных видов позднего или постсоветского русского ультранационализма. Например, В. Лихачев в заголовках обобщающих исследований довольно большой части спектра русских крайне правых течений использует термин “нацизм”³⁷. Если использовать термин “нацизм” для

³⁵ *Umland A.* Russischer Rechtsextremismus im Lichte der jüngeren empirischen und theoretischen Faschismusforschung // Osteuropa. 2002. Jg. № 2. S. 901—913.

³⁶ *Ivanov L.J.* Rußland nach Gorbatschow: Wurzeln-Hintergründe-Trends der sich formierenden Gruppierungen — Perspektiven für die Zukunft. Passau, 1996.

³⁷ См.: *Лихачев В.* Указ. соч.

обозначения всех разновидностей фашизма, а также ряда националистических идеологий, то можно упустить возможность определить “аутентичных” нацистов. При этом нужно учитывать, что очень часто представители русского ультранационализма совсем не склонны демонстрировать связь своих движений с теми историческими режимами, в результате господства которых были убиты миллионы их соотечественников. Поэтому Баркашов прав, когда утверждает, что РНЕ не является разновидностью русского фашизма. То же самое можно сказать о стихийных ультранационалистах из числа молодежи, так называемых “скинхедах”. Фашизм или нацизм в своей классической форме в России невозможны, ибо даже при крайних формах авторитаризма в России обращались к интернационализму, поскольку использование расовых составляющих (а это неременный компонент нацизма) в нашей многонациональной стране не имеет шанса на значительный успех. Однако маргинальная социальная база, которая использует готовые символические программы фашизма, для всплесков ультранационализма в стране имеется. Именно поэтому внимание ученых к данной проблеме не должно ослабевать и должно иметь не только чисто академическое, но и практическое значение в ходе работы государственных органов, силовых структур и общественных организаций.